

— Да что ты там высматриваешь? Стоило войти, как принялся зыркать по сторонам.

Юань Чжунъю, всё это время сохранявший настороженность, в конце концов не выдержал. Рассеянность спутника мешала ему сосредоточиться.

Услышав его голос, Линь Му вдруг вспомнил, что рядом с ним находится обладатель водного духовного корня.

— Одолжи-ка немного воды.

— Ты что, пить захотел? — недоуменно спросил Юань Чжунъю.

— Нет, я... — Линь Му тяжело сглотнул. — Руки помыть надо. Коснулся только что того, чего касаться не следовало.

Снаружи вновь раздался негромкий стук по оконной раме — «тук-тук».

Мо Сюнь, немного поразмыслив, выбрался из-под одеяла и распахнул створки. В комнату тут же ворвался поток холодного воздуха, пропитанный тонким ароматом цветущей сливы.

За окном, небрежно прислонившись к стене, стоял Гу Суйчжи. Завидев юношу, тот прищурился и поприветствовал его — на этот раз без капли бывшего притворного дружелюбия:

— Маленький принц.

Мо Сюня пробрала дрожь. То ли от ночного холода, то ли от одного вида этого человека. Он захлопал ресницами и с самым бестолковым видом спросил:

— А ты кто такой? И зачем стучишь ко мне в окно?

Евнух лишь иронично выгнул бровь, не потрудившись ответить. Он быстро оглядел покои и, не заметив служанок, вспомнил слова Фэн Вана: после того как Мо Сюнь повредился умом, он не терпел никого в своей спальне. Даже во время купания принц не подпускал к себе посторонних.

— Пойди, — наконец заговорил Гу Суйчжи, — накинь что-нибудь, а потом возвращайся.

Но Мо Сюнь и не думал слушаться:

— Мне не холодно.

Тот не стал настаивать. На губах мужчины вновь заиграла едва уловимая улыбка. Опершись на подоконник, он маняще пошевелил пальцами. Маленький принц посмотрел на него с подозрением, но снедающее его любопытство взяло верх. Осторожно, маленькими, неуверенными шажками он придвинулся ближе.

Внезапно ледяные пальцы цепко обхватили его за подбородок. Мо Сюнь попытался отстраниться, но хватка Гу Суйчжи была железной.

— Не дергайся. Дай мне на тебя посмотреть, — распорядился Чжанъинь.

Его холодный взгляд, точно скользкое прикосновение, медленно прошелся по лицу юноши, изучая каждую черту.

— Брови... тонковаты.

— А такие опущенные уголки глаз... в них таится нежность.

— Переносица прямая и изящная.

— Губы алые без всяких притирок, в меру полные.

— Кожа белая и гладкая.

Гу Суйчжи оценивал его внешность с таким интересом, будто видел впервые. И хотя в словах звучала похвала, в голосе не было и тени искреннего восхищения. Скорее это напоминало придирчивый осмотр товара.

«Ведет себя как какой-то маньяк-убийца», — с содроганием подумал Мо Сюнь.

Наконец мужчина разжал пальцы. Достав белоснежный платок, он принялся медленно, один за другим, вытирать свои пальцы. На его лице застыла странная полуулыбка. Внезапно он поднял взор, и его хищные глаза впились в Мо Сюня:

— Назови-ка меня своим хозяином. Послушаю, как это звучит.

Мо Сюнь: «...»

Юноша отступил на шаг. Высоко подняв кулак, он медленно выставил указательный палец, приставил его к виску и несколько раз покрутил запястьем. После чего посмотрел на Гу

Суйчжи взглядом, полным искренней жалости, беспокойства и недоумения. Этот жест не нуждался в переводе: «Ты что, совсем больной?»

Гу Суйчжи едва не задохнулся от ярости, готовой перейти в истерический смех. Он сделал несколько глубоких вдохов, умиряя нрав, и снова оперся на подоконник, маня принца пальцем.

— Хочешь отведать самых лучших сладостей?

— Хочешь играть в самые диковинные игрушки?

— Хочешь читать самые интересные книги?

— Хочешь увидеть самых красивых девиц?

— Стоит тебе только пожелать, — прошептал он с вкрадчивой улыбкой, — и я дам тебе всё. Только будь послушным.

Мо Сюнь уставился на него, старательно изображая напряженную работу мысли. На самом же деле рука, спрятанная за спиной, изо всех сил щипала его за бок.

«Я же сейчас расхохочусь прямо в лицо этому пафосному интригану! — юноша с трудом сдерживался. — Хоть я и всего лишь чистый и наивный студент, смысл слов я уловил сразу. Это же предложение о покровительстве! То самое спасительное средство, когда кругом бездна!»

«Братец, да ты же мой благодетель навек!»

Он притворно раздумывал так долго, что Гу Суйчжи нетерпеливо цыкнул. Наконец Мо Сюнь поднял голову и простодушно спросил:

— А ты правду говоришь или врешь?

— Правду, — отрезал тот.

— Но... — Мо Сюнь состроил озадаченную мину. — Но я не смогу съесть столько сладостей. И книги читать не люблю.

Эта искренность, кажется, позабавила мужчину, и он негромко рассмеялся.

— Я же сказал, — повторил он, — я дам тебе всё, чего ты ни пожелаешь.

— Тогда... тогда... — Мо Сюнь с сомнением посмотрел на Чжанъиня. — Я хочу щеночка. Ян Ло мне не разрешает, а ты сможешь мне его достать?

— Щеночка?

Не ожидая такого ответа, Гу Суйчжи даже слегка округлил глаза, но тут же усмехнулся:

— Разумеется, смогу.

Мо Сюнь просиял. Он схватил собеседника за руку и принялся усердно трясти её:

— Вот здорово! Мо-Мо, ты! Ты и впрямь хороший человек!

Тот перехватил его ладонь. Ледяная, лишённая всякого тепла рука легла на тыльную сторону ладони принца:

— И разве это не стоит того, чтобы назвать меня хозяином?

Мо Сюнь тут же звонко выдал:

— Хозяин!

— Ошибся, — поправил его Гу Суйчжи. — Отныне называй меня так только в мыслях. И никому — слышишь, никому? — не смей об этом рассказывать. Иначе щенка тебе не видать.

Мо Сюнь изобразил на лице полную растерянность, будто окончательно запутался.

— Да что ты там бормочешь? — проворчал он, надувшись. — У меня уже голова пухнет!

Мужчина протянул руку и дважды легонько похлопал юношу по щеке, издав негромкий звук.

— Послушный.

После этого он развернулся и зашагал вдоль дворцовой стены, оставив Мо Сюню лишь созерцание своей удаляющейся статной фигуры.

Из-за ночного визита Гу Суйчжи и его обещания покровительства Мо Сюнь от волнения не мог

сомкнуть глаз почти до самого рассвета. Сон сморил его лишь тогда, когда небо начало светлеть, но поспать удалось недолго. Его разбудил голос Ян Ло.

— Маленький принц, Маленький принц, Маленький принц... Просыпайтесь же, Маленький принц...

Мо Сюнь, не в силах разлепить веки, капризно забормотал, не желая покидать теплую постель:

— Я не Маленький принц и не «Просыпайтесь».

Ян Ло невольно прыснула, но не позволила принцу уснуть снова.

— Ваше Высочество, вставайте скорее. Император велел вам явиться в зал Возращения Сердца.

Эта новость мигом прогнала остатки сна. Император ищет его? Зачем? Неужели за вчерашнее? Решил свести счеты за испорченное веселье? Но судя по тому, что Ян Ло всё еще улыбалась, дело было не так уж плохо.

Юноша спрятался под одеялом, тяжело вздыхая и моля небеса о внезапном скачке интеллекта. Служанка, решив, что он просто капризничает, применила свой главный козырь:

— Ваше Высочество, если вы сейчас же не встанете, я стяну с вас одеяло!

Мо Сюнь, этот «эталон мужской добродетели», тут же кубарем скатился с кровати. С помощью Ян Ло и других слуг он быстро облачился в одежды, и его вывели к дверям дворца.

Там их уже поджидал евнух. Это был мужчина лет тридцати с удивительно спокойным и кротким лицом. Мо Сюнь узнал в нем Фэн Вана — человека из свиты Гу Суйчжи. Глуповато улыбнувшись, принц вдруг залез рукой в рукав, выудил оттуда кособокого глиняного человечка и впихнул его в руки помощнику Чжаньиня:

— Это тебе.

Фэн Ван не успел даже опомниться, как Ян Ло вскрикнула:

— Да откуда он взялся?! Ваше Высочество, как вы опять умудрились притащить грязь в постель?!

Мо Сюнь лишь продолжал хихикать. Евнух, с трудом сдерживая усмешку, с самым серьезным видом спрятал фигурку в рукав и отвесил принцу церемонный поклон.

— Прощу вас, Ваше Высочество, следуйте за мной. Не заставляйте императора ждать.

Юноша послушно буркнул «о-о» и поплелся следом. Однако вскоре он заметил, что ведут его вовсе не к залу Возвращения Сердца — они свернули на узкую боковую тропинку. В голове тут же роем закружились нехорошие предчувствия: грабеж, насилие, кража почки... Или классический сюжет из дорам: его столкнут в пруд, и у него случится выкидыш. Стоп, функция выкидыша у него отсутствует.

Мо Сюнь сам себя напугал до дрожи в коленях. Прикидываясь дурачком, он вцепился в рукав Фэн Вана и принялся его дергать:

— А куда это мы? Это же не к бабушке дорога! Ты что, думаешь, если я дурак, так меня и обмануть можно?

— Ваше Высочество, — мягко пояснил Фэн Ван, — нам нужно сначала зайти к господину Чжаньинь.

Услышав имя Гу Суйчжи, юноша наконец немного успокоился. Он глупо кивнул, но рукав спутника так и не выпустил, намотав ткань на пальцы еще туже. Тот несколько раз попытался высвободиться, но тщетно. В конце концов ему пришлось смиренно вести принца за собой.

Глядя на эти детские, неуклюжие жесты Мо Сюня, Фэн Ван невольно сравнивал его с тем высокомерным человеком, каким он был прежде. Неудивительно, что многие слуги шептались: «Уж лучше бы Маленький принц навсегда остался таким». И неудивительно, что господин Чжаньинь, отдавая приказ «привести этого щенка», едва заметно улыбался.

Когда они достигли павильона Гу Суйчжи, Фэн Ван хотел было доложить о прибытии, но Мо Сюнь без лишних церемоний распахнул дверь и ввалился внутрь.

Тот упражнялся в каллиграфии. Он занес кисть над бумагой и поднял взгляд. Его взор замер на руке Мо Сюня, вцепившейся в рукав евнуха. Гу Суйчжи молча наблюдал за этой картиной несколько мгновений, после чего криво усмехнулся.

— Отпусти Фэн Вана, — приказал он.

Юноша, склонив голову набок, потратил некоторое время на то, чтобы осознать приказ. Наконец он разжал пальцы, но не забыл заботливо поправить одежду слуги:

— Дядя Фэн Ван, у тебя рукав помялся!

Фэн Ван: «...»

«А по чьей же вине, спрашивается?»

С трудом скрывая улыбку, евнух поспешил удалиться, не забыв увести с собой и Ян Ло. В комнате остались лишь Гу Суйчжи и Мо Сюнь.

— Ты меня звал? Что-то случилось? — спросил принц.

Мужчина промолчал. Он снова склонился над столом, и его кисть принялась выводить на мягкой рисовой бумаге острые, колющие иероглифы.

«Тьфу ты. В этот момент мне очень хочется высказать ему всё то, что когда-то говорил школьный учитель: Я тебя спрашиваю, язык проглотил?!»

Разумеется, это осталось лишь в мыслях. Господин Чжанъинь был хитер и изворотлив, но на слова крайне скуп. Даже император не всегда мог вытянуть из него лишнюю фразу, что уж говорить о нем? Раз тот его игнорирует, Мо Сюнь решил развлечься сам. Он не любил вторгаться в чужое пространство, но ради роли безумца пришлось изобразить полное отсутствие страха. Он принялся бродить по комнате, разглядывая вещи.

Мо Сюнь замер на месте, не двигаясь. Гу Суйчжи вскинул брови, и в его голосе прозвучала двусмысленная угроза:

— Неужели забыл, что обещал мне прошлой ночью? Не хочешь щенка?

Услышав про щенка, юноша мигом наострил уши, а его глаза заблестели.

— Хочу! Хочу! Хе-хе-хе, хочу песика!

Он тут же присмирел и, глуповато улыбаясь, завел руки за спину, вытирая их об одежду. Гу Суйчжи, глядя на это, нахмурился — в нем снова проснулось странное, почти рабское желание самому вытереть принцу руки. Мо Сюнь, заметив его недовольство, решил, что тот сердится из-за его медлительности. Он ускорился и со всей дури принялся отряхивать грязь прямо себе на поясницу.

Тот лишь тихо цыкнул. Когда принц подошел ближе, евнух спросил:

— Ты еще помнишь, как писать?

Мо Сюнь кивнул. Помедлил и помотал головой. Снова замер и кивнул.

— Так помнишь или нет? — нажал Гу Суйчжи.

В ответ юноша снова кивнул. Помедлил, помотал головой и опять кивнул. Эту пытку он перенял у заказчиков, когда подрабатывал созданием презентаций: на вопрос «да или нет» самым невыносимым ответом всегда было «или».

Мужчина глубоко вздохнул, явно сдерживая раздражение. Мо Сюнь тут же присмирел. Он сложил пальцы в жесте, от которого любой современный мужчина впал бы в ярость, и кротко ответил:

— Вроде как помню... а вроде как и нет.

Тот вперил в него свой пронзительный взор. Внезапно он вложил кисть в руку Мо Сюня и сухо велел:

— Напиши что-нибудь.

В своей жизни юноша держал кисть всего дважды. В первый раз это было в туристической лавке — обычная с виду кисточка из волчьей шерсти, на ценнике которой значилось девять тысяч девятьсот девяносто восемь юаней. Увидев эту чудовищную цифру, он вернул её на место быстрее, чем за три секунды. И вот теперь — второй раз.

Мо Сюнь вцепился в кисть так, будто держал палочки для еды. Его рука неуверенно задрожала над бумагой, выводя нечто невообразимое. Гу Суйчжи опустил взгляд, и его холодный взор, точно тонкий шелк, заскользил за кончиком кисти. Он верил, что почерк раскрывает суть человека: осторожность или безрассудство, небрежность или расчет.

Но три чернильных кляксы не раскрывали ничего. Они лишь заставляли глаза болеть от своей нелепости.

— И что же здесь написано, Ваше Высочество? — спросил Чжаньинь.

Юноша поднял на него свои печальные, полные нежности глаза и простодушно ответил:

— Моё имя. Неужели не видно?

Тот хотел было сказать, что увидеть здесь имя решительно невозможно, но его внимание переключилось на губы собеседника. Глядя на то, как они шевелятся при разговоре, он снова почувствовал странное желание запахнуть в них какую-нибудь сладость.

— Раз уж заговорили об именах, — произнес Гу Суйчжи, — Ваше Высочество, вы помните, как зовут меня?

Мо Сюнь наморщил лоб, мучительно соображая, а затем внезапно хлопнул по столу:

— Точно! Вспомнил! Тебя зовут Одри Хепберн!

Гу Суйчжи: «...»

«Это еще кто такая?!»

Евнух едва не расхохотался от нелепости этого ответа.

— Имя Фэн Вана вы помните прекрасно. Почему же моё никак не идет на ум? Или оно не по вкусу Вашему Высочеству?

Гу Суйчжи сделал шаг вперед и внезапно подался к нему. Он оказался так близко, что его фигура почти полностью накрыла Мо Сюня, точно в объятии. Запах морозной сливы заполнил всё пространство. Юноша никогда прежде не был так близок с мужчиной. Он на мгновение оцепенел, но тут же заставил себя расслабиться, боясь выдать свой страх.

Ледяная ладонь Чжанъиня легла поверх руки Мо Сюня, сжимающей кисть. С силой направляя его руку, он заставил кончик кисти коснуться бумаги. Перо задвигалось, оставляя четкие черные штрихи.

Мо Сюнь с трудом пытался прочесть написанное:

— Ху-е-сы-фэй-ци...

Гу Суйчжи: «...»

Волна немого негодования захлестнула его. Он глубоко вздохнул, приходя в себя, и придвинул губы к самому уху принца.

— Эти три знака — моё имя, — глухо произнес он. — Гу Суйчжи. Советую Вашему Высочеству запомнить их как следует. Если в следующий раз вы снова забудете имя своего хозяина... берегитесь.

На этом мужчина замолчал. Берегитесь чего? Он никогда прежде не общался с кем-то столь непроходимо глупым. Лъстецы, взяточники, те, кто молил о спасении или смерти врага — их было не счесть. Все они были умны, понимали друг друга с полуслова и одного взгляда.

Но не Мо Сюнь. Он был по-настоящему туп. Ему трижды объясняли имя, а при следующей встрече он смотрел на тебя как на незнакомца. Чжанъинь помедлил, а затем крепко сжал предплечье юноши. Хватка его становилась всё сильнее, пока на лице принца не проступила гримаса боли.

— Больно, больно же!

Только тогда тот разжал руку и зловеще добавил:

— Забудешь еще раз — велю высечь тебя палками.

После урока каллиграфии Гу Суйчжи еще какое-то время обсуждал что-то с Фэн Ваном. Лишь спустя добрых полчаса, когда он неспешно закончил свои сборы, евнух велел разбудить Мо Сюня, который уже успел задремать в кресле. Наконец пришло время вести его к императору.

Юноша сонно поднял голову:

— О... Хорошо, Гу... Гу... Гу Суйчжи.

Тот иронично выгнул бровь, и на его губах промелькнула тень усмешки. Он наклонился к самому уху принца и прошептал несколько слов.

Войдя в зал Возвращения Сердца, Мо Сюнь увидел императора, небрежно развалившегося на тахте. В одной руке тот держал кувшин с вином, другой обнимал красавицу-наложницу. В углу, посасывая палец, жалась маленькая принцесса лет трех-четырёх.

Завидев Гу Суйчжи, государь попытался подняться, и в голосе его прозвучала заискивающая надежда:

— Суйчжи, Суйчжи... Ты принес то, что я просил?

Тот подошел ближе и извлек из рукава маленькую черную тыкву-горлянку. Император открыл её, вдохнул аромат и, расплывшись в блаженной улыбке, явно пришел в восторг.

— Прекрасно! С кровью девственных языков я смогу изготовить еще несколько пилюль Асюнь.

Затем он добавил:

— Суйчжи, там гора докладов, займись ими.

Чжанъинь привычно кивнул и устроился за небольшим столом, принимаясь за чтение

бесконечных бумаг. Мо Сюнь стоял на месте, чувствуя, как внутри всё переворачивается от омерзения. Он бросил взгляд на Гу Суйчжи, втайне надеясь, что тот когда-нибудь подмешает императору в пилюли добрую порцию мышьяка.

«Впрочем, если император испустит дух, а Мо Чэнцзин, Мо Хэмяо или Гу Суйчжи пощадят меня, приняв за безобидного безумца... Тогда я брошу всё, сбегу из дворца и затеряюсь среди простого люда. А чем заняться — я придумаю. Я прочел достаточно книг, чтобы знать: можно открыть лавку или податься в деревню. Выбор огромен».

Из раздумий его вывел голос императора:

— А-Сюнь...

Мо Сюнь обернулся. Старый тиран взирал на него с видом скорбящего отца:

— А-Сюнь, вчера на пиру... как ты мог так опозорить меня? Тебя осматривали лекари? Что они говорят?

Тот открыл рот и внезапно звонко спросил:

— Отец, ты злишься, что я стал дурачком?

Император опешил.

— Мне сон приснился вчера, — продолжал Мо Сюнь. — Я видел матушку. Мы с ней так похожи. Она сказала... а, вспомнил! Она сказала, что скучает по тебе.

Чаша с вином со звоном выпала из рук императора. Он пошатываясь поднялся и, спотыкаясь, направился к сыну, протягивая руки, чтобы обнять его лицо. Юноша ловко отступил, уворачиваясь от прикосновения.

— Алань, Алань... Это ты вернулась? — бормотал пьяный император, принимая сына за покойную наложницу Лань.

Наложница Лань была простой служанкой, чья красота когда-то пленила государя. Он обожал эту тихую и послушную женщину, а когда она родила Мо Сюня, его милость не знала границ. Но любовь монарха недолговечна — вскоре его сердце заняли новые красавицы. Оставшись без защиты и внимания, наложница Лань тяжело заболела и угасла под грушевым деревом в своем саду. Лепестки цветов осыпали её бледное лицо, и этот образ навсегда запечатлелся в памяти императора. С тех пор она стала его единственной любовью, Маленький принц — любимым сыном, а сам он в душе стал самым ярким ненавистником этого лицемера.

Он принялся бегать от отца, залиvisto хохоча, точно играя в прятки. Но за этим весельем скрывалось отчаянное нежелание позволить старику коснуться себя. Мо Сюнь боролся за свою неприкосновенность так, будто от этого зависела его жизнь.

Натешившись пьяным бредом, император устал. С бормотанием «Алань» он забылся тяжелым сном прямо на ложе. Красавица-наложница устроилась у окна, неспешно очищая фрукты для государя. Мо Сюнь же уселся на пол, развлекая маленькую принцессу. Выставив два пальца, он спросил:

— Что это?

— Это пальцы третьего брата, — робко ответила девочка.

— А вот и нет! — юноша забавно покачал головой. — Это ушки кролика. А сколько будет один плюс два?

— Три.

— Снова не угадала! — рассмеялся он. — Разве ты не слышала, что три — это начало всех начал? Один плюс два — это десять тысяч!

Принцесса лишь удивленно захлопала глазами.

— А знаешь, какое слово все на свете читают неправильно? — не унимался Мо Сюнь.

Девочка долго и напряженно думала.

— Не знаю. Какое?

— Слово «неправильно»! — захохотал он.

Довольный тем, что трижды озадачил сестру, он подбоченился и гордо заявил:

— Я самый умный в мире!

Гу Суйчжи, слушавший всё это, невольно вздрогнул. На бумаге доклада, который он изучал, появилась редкая ошибка. Вместо «в доработке» он нечаянно вывел: «идиот». Мужчина молча разорвал лист.

Мо Сюнь обернулся на шум. Тот улыбнулся ему, но взгляд его был настолько холодным, что в нем читалась явная угроза. Принц поежился, не понимая, чем вызвал такое недовольство.

Когда император уснул, наложница увела принцессу. Мо Сюнь тоже хотел было ускользнуть — атмосфера в комнате тяготила его неимоверно. Он предпочел бы сидеть в клетке с тиграми, чем оставаться один на один с императором и Гу Суйчжи. Он попытался проскользнуть вслед за наложницей, шепча под нос заклинание: «Меня нет, меня нет, меня нет...»

— Маленький принц, — раздался вкрадчивый голос. Тот сидел за столом и, не глядя на юношу, указал пальцем на место рядом с собой. — Подойдите.

Лицо Мо Сюня вмиг вытянулось. Наложница и принцесса бросили на него сочувственный взгляд и, не оглядываясь, поспешили прочь.

«Никакой солидарности!» — с горечью подумал он. Поколебавшись и вспомнив угрозу про розги, он всё же полпелся обратно, хмуро бурча:

— Ну чего еще? Я вообще-то занятой человек! Мне в сад надо, играть!

— Мне скучно разбирать эти жалобы, — Гу Суйчжи иронично искривил губы. — Хочу, чтобы кто-нибудь посидел рядом и развлек меня беседой.

Мо Сюнь мигом оживился, стоило заговорить о разговорах:

— Беседой? Да я мастер забалтывать!

Он плюхнулся рядом с Чжаньинем.

— Хочешь, историю расскажу? Про битву пришельцев с супергероями? Или про то, как бедный солдат стал королем? Могу даже про физику — знаешь, почему яблоки с деревьев падают?

Мужчина молча взирал на него. Он уже привык, что в каждой фразе принца проскальзывает несколько слов, значение которых было ему неведомо. Спорить с безумцем было делом заведомо проигрышным.

— Ваше Высочество, — спокойно заметил он, — вы уселись на мой край одежды.

Юноша буркнул «ой», приподнялся и вытянул ткань из-под себя. Тот с безупречным изяществом разгладил складки на шелке и снова взялся за свиток. Внезапно он обернулся к юноше:

— Ваше Высочество.

Он медленно сжал кулаки.

— У меня в левой и в правой руке по вещице. Какую выберете?

Мо Сюнь озадаченно уставился на него:

— Вещице? Да ты обманщик, руки-то пустые!

Евнух прищурился, проигнорировав замечание.

— Левую или правую?

Принц долго и мучительно размышлял, после чего осторожно выдал:

— Выбираю посередине.

— Так нельзя, — отрезал Гу Суйчжи. — Выбирай одну.

— Ну... пусть будет левая.

Тот усмехнулся:

— Что ж, похоже, господин Сунь сегодня сохранит голову.

Мо Сюня прошиб холодный пот. Неужели этот выбор решал судьбу человека? А если бы он выбрал правую? Эта непринужденная жестокость, с которой евнух играл чужими жизнями, заставила его сердце сжаться от ужаса.

Но тот еще не закончил. Он взял следующий доклад и, взглянув на имя, спросил с легкой улыбкой:

— А теперь? Левую или правую?

Мо Сюнь замер, не смея пикнуть.

«Проклятье! Я же всего лишь нежный студент, который и мухи не обидит — если это не комар или таракан. Как я могу решать, кому жить, а кому умирать? Сама мысль о том, что жизни людей стали для этого человека игрушками, приводит меня в трепет».

— Ну же? Выбирай, — настаивал Гу Суйчжи.

Принц внезапно схватился за живот:

— Ой, как странно...

— Что такое?

— Живот... он как-то урчит и болит. Почему? — он старательно изобразил на лице озарение. — Точно! Я же голоден! Оказывается, я просто хочу есть!

Он выдал это с таким восторгом, будто совершил великое открытие. И собеседник, на удивление, позволил себя обмануть. Взгляд его скользнул по губам принца, и он в хорошем расположении духа произнес:

— Что ж, велю императорской кухне подать обед.

К тому времени, как принесли яства, император уже протрезвел. Вспомнив свои сонные видения об Алань, он вскочил с ложа, выкликая её имя, и бросился искать сына. Мо Сюнь едва не подпрыгнул, желая скрыться, но Гу Суйчжи властным жестом удержал его.

— Ваше Величество, вы еще слабы от вина. Отдохните еще немного, — спокойно произнес мужчина.

И император, как ни странно, послушался. С виноватой улыбкой он сел обратно на тахту. Мо Сюнь наблюдал за этим с нескрываемым изумлением. В книге говорилось, что государь любит его и Гу Суйчжи, но сейчас принц видел, что это совершенно разные чувства. К нему император относился как к любимому питомцу, но в отношениях с Чжанъинем роли, казалось, поменялись — государь сам выглядел прирученным зверем в руках своего фаворита.

Мо Сюнь украдкой взглянул на Гу Суйчжи и встретился с его холодным, хищным взглядом. В этих глазах не было человеческого тепла — лишь дикая первобытная мощь, готовая в любой миг сомкнуться на горле жертвы.

— Что такое? — спросил тот.

Юноша глуповато протянул руку и коснулся щеки мужчины.

— Какая у тебя кожа белая. Прямо как паровая булочка.

Гу Суйчжи: «...»

Он всегда ненавидел прикосновения, считая, что чужие руки несут лишь невидимую грязь. Но на этот раз он сдержался. Мо Сюнь был его игрушкой, его приобретением, а хозяин должен проявлять толику терпения. Хотя сравнение с булочкой было, честно говоря, невыносимым. Люди сравнивали его лицо с нефритом, с лунным светом, но никак не с хлебом.

— Ну и обжора же ты, — только и вымолвил он.

В это время слуги расставили на столе более двух десятков изысканных блюд. Мо Сюнь, который не ел с самого утра, больше не нуждался в приглашениях. Получив дозволение, он с энтузиазмом принялся за еду, не забыв позвать к столу и всех остальных. Но император предпочел, чтобы его кормили красавицы-служанки, Чжанъинь отказался, а Ян Ло и помыслить не могла сесть за один стол с хозяевами.

Принц с радостью уплетал яства за обе щеки. Он намеренно ел неряшливо, поддерживая образ безумца, но истинная красота трудно поддается искажению. Зрелище того, как изголодавшийся человек с таким наслаждением поглощает пищу, невольно приковывало взгляды. Гу Суйчжи с интересом наблюдал за тем, как тот уписывает баранину и запивает её сладким молоком. В его душе шевельнулось странное чувство удовлетворения.

— Маленький прожорливый чертенок, — негромко проговорил он с улыбкой.

Вернувшись в свои покои, Мо Сюнь чувствовал себя совершенно разбитым. Ян Ло, глядя на то, как он бесформенной кучей завалился на кровать, не могла сдержать улыбки.

— Ваше Высочество, вы же сегодня почти не покидали павильона, только сидели и ели вкусности. Отчего же вы так устали?

— Тебе не понять, — пробормотал юноша без сил. — Одно дело — оплачиваемый отпуск, и совсем другое — корпоративный тимбилдинг в выходные.

Проведя весь день под надзором двух тиранов, он чувствовал себя опустошенным, будто из него выпили всю жизненную силу. Мо Сюнь провалялся в постели целых три дня, приходя в себя, и лишь на четвертый вновь почувствовал вкус к жизни. Он только собрался выйти в сад, чтобы продолжить свои «скульптурные» изыски, как в комнату вихрем влетел гость.

— Маленький дурачок! — Мо Хэмяо, припадая на свою больную ногу, стремительно направился к нему.

— А, второй брат, — Мо Сюнь послушно поприветствовал его.

— Что-то ты за эти дни еще сильнее поглупел, — рассмеялся принц, хватая его за руку. — Идем

скорее, сегодня у господина Чжаньинь намечается знатное веселье, я должен тебе это показать!

В стороне Гу Суйчжи поднял взгляд, и улыбка на его губах стала шире и искреннее. На то было две причины. Во-первых, он сам срежиссировал этот спектакль — это он научил Мо Сюня тем словам. И стоило упомянуть покойную наложницу Лань, как император снова потерял голову, выставив себя на посмешище.

А во-вторых, на душе у Чжаньиня было небывало легко. В этом дворце все были в его власти: государь переложил на него свои заботы, красавицы-наложницы заискивали перед ним, а безумный принц признал его своим хозяином. Даже маленькая принцесса слушалась его беспрекословно. Разве это могло не радовать?

Внимание Гу Суйчжи вновь переключилось на юношу. Капля чернил сорвалась с его кисти и расплылась на бумаге, но он этого даже не заметил. С интересом он наблюдал за тем, как принц суетится по комнате, то поправляя цветы, то вытирая пыль. Выглядело это крайне занято, хоть и совершенно бессмысленно.

Но когда Мо Сюнь украдкой извлек из рукава двух крошащихся глиняных человечков и вознамерился усадить их на подушку евнуха, на лбу того опасно дернулась жилка.

— Посмей только положить их туда — и тебе конец, — зловеще произнес он.

Фигура принца замерла. Он медленно убрал фигурки обратно.

— Иди вымой руки, — бросил Гу Суйчжи. — А потом вернись ко мне.

«Старший, у тебя есть я».

«Я буду рядом, только подожди меня...»

«У тебя есть я...»

Тот поднял голову, взирая на него с нескрываемым интересом:

— Ну что же ты замолчал? Так красиво начал. На этот раз я готов слушать, продолжай. Мне нравится.

Линь Му сжал кулаки, чувствуя, как пафос момента испаряется, оставляя лишь...

— Гу Суйчжи!

<http://bllate.org/book/15862/1439166>